

Его глаза покраснели, в красивых, как цветы персика, глазах появилась тонкая пелена слез, но он сдерживался, осторожно подняв взгляд и улыбнувшись брату — то ли с мольбой, то ли с лестью.

Сердце Шэнь Минчэна будто пронзила игла, он почувствовал такую боль, что не мог сдержаться, обнял мальчика и подул на его покрасневшее запястье:

— Прости, я не должен был срывать злость на тебе. Просто...

Просто что? Он просто ослеп от ревности. Минсюань не сделал ничего плохого. Этот ребенок всегда был наивным и доверчивым, считая, что все вокруг будут любить и баловать его, как в семье, позволяя ему быть свободным. Но он не знал, что в мире полно хищников, жаждущих его.

Он закрыл глаза и тихо сказал:

— Я просто не хочу, чтобы тебе причинили вред.

Мальчик в его объятиях кивнул, всё ещё боясь его, и тихо спросил:

— Ты всё ещё злишься? В следующий раз я буду осторожнее.

— Я больше не злюсь. Ты не виноват, виноваты другие.

Шэнь Мянью кивнул и сказал:

— Конечно, виноваты другие! — Он схватил рукав Шэнь Минчэна и начал рассказывать о произошедшем:

— Я спокойно шёл на занятия, попросил водителя купить мне пару булочек, а потом кто-то украл машину и увез меня в незнакомое место. Потом появился Хо Цянь с кучей людей. У меня ведь нет крыльев, как я мог убежать?

Он начал жаловаться на братьев Хо.

— Тот, кто украл мою машину, — Хо Тянь, младший брат Хо Цяня. Они как две капли воды! Не только внешне похожи, но и их разбойничьи наклонности одинаковы! Он похитил меня, всю дорогу ругал за бесполезность и называл глупым. Такой умный человек, как я, а он не смог разглядеть!

Шэнь Минчэн невольно улыбнулся:

— Да, да, ты самый умный.

Шэнь Мянью продолжил:

— А ещё Ли Сынянь и Лю Дафу, они явно видели меня, но сделали вид, что не замечают. Если бы они были умнее, раньше позвали бы тебя, и мне не пришлось бы столько мучиться.

Шэнь Минчэн гладил его волосы и мягко утешал:

— Твои муки я возьму сполна.

Он уложил мальчика под одеяло, а тот, словно проказник, зарылся лицом в ватное одеяло,

глубоко вдохнул и спрятался под ним, смеясь. Шэнь Минчэн, словно разворачивая листья бамбука, раскрыл одеяло и вытащил оттуда мягкого и нежного мальчика.

— Что?

Шэнь Мяньюань сжал губы и тихо сказал:

— В одеяле пахнет братцем.

Шэнь Минчэн замер, долго не говоря ни слова. Мальчику стало неловко под его взглядом, и он снова зарылся в одеяло. Шэнь Минчэн смотрел на это шевелящееся существо, думая, как на свете может быть такой ребенок, который одновременно и раздражает, и вызывает такую любовь, что сердце болит.

Он обнял это сокровище вместе с одеялом и тихо сказал:

— Минсюань, я не знаю, как долго смогу сдерживаться. Будь послушным, не зли меня.

Сокровище спросило:

— Братец, зачем тебе сдерживаться?

Шэнь Минчэн посмотрел в его ясные глаза, в которых отражался он сам, и тихо усмехнулся:

— Да, зачем мне сдерживаться. — Неизвестно, спрашивал ли он себя или кого-то ещё.

Раздался стук в дверь.

Шэнь Минчэн уложил мальчика на кровать и сказал:

— Войдите.

Адъютант Сунь остановился в прихожей и доложил:

— Старший господин, вторая наложница прислала людей, чтобы забрать младшего господина.

Шэнь Минчэн сказал:

— Пусть подождут снаружи. Пусть Минсюань оденется.

— Слушаюсь. — Адъютант вышел.

Шэнь Мяньюань понюхал свою одежду и нахмурился:

— От меня пахнет алкоголем, дома мне точно достанется от матери.

Шэнь Минчэн открыл шкаф и достал несколько старых вещей, которые он давно не носил.

— Надень это, скажи, что твоя одежда испачкалась, и ты переоделся у меня. Я потом велю постирать твою одежду и отправлю в твой двор.

Шэнь Мяньюань сказал:

— Я хочу надеть одежду, которую ты носил.

— Почему?

Шэнь Мянью ответил:

— Мне кажется, что с тобой рядом мне спокойнее.

Сердце Шэнь Минчэна растаяло, и он тихо согласился:

— Хорошо. — Когда он уезжал учиться за границу, ему было уже за восемнадцать, и эта одежда всё ещё была велика для Шэнь Мянью, фасоны устарели, но, подвернув рукава и штанины, он выглядел вполне прилично. На ком угодно это бы смотрелось нелепо, но на нём — безусловно.

Из-за широкого воротника обнажилась тонкая шея, показавшись белоснежной кожей. Шэнь Минчэн хотел поправить воротник, но Шэнь Мянью отступил назад и сам поправил его, улыбнувшись:

— Братец, я пошёл.

Шэнь Минчэн кивнул, его взгляд стал мрачным.

Шэнь Мянью повернулся и ушёл, едва не позволив Шэнь Минчэну заметить следы поцелуев, оставленных Хо Цянем. Этот старший брат казался нормальным, но, видимо, был не в себе, и его лучше не провоцировать.

Сяо Цуй'эр и другие ждали у ворот, увидев его, все выглядели озадаченными. Только выйдя из двора Шэнь Минчэна, она тихо посоветовала:

— Господин, на этот раз ты должен искренне раскаяться и пообещать больше не повторять ошибок. Если вторая наложница вмешается, первая госпожа, возможно, будет строга, но генерал всегда тебя любил, так что, думаю, не станет слишком сурово наказывать. Только не упрямясь.

Шэнь Мянью сказал:

— Ты, девчонка, говоришь без толку. Я ведь не сделал ничего плохого, за что мне каяться? Если отец хочет наказать меня, должен быть повод.

Сяо Цуй'эр закусила губу:

— Как это не сделал? Ты ведь... ты ведь...

Уже начинало темнеть, в усадьбе зажгли фонари. Шэнь Мянью, видя, как её лицо то краснеет, то бледнеет, понял, в чём дело, и повернулся, чтобы уйти.

Несколько слуг остановили его, а Сяо Цуй'эр схватила его за рукав:

— Господин, вторая наложница приказала, чтобы ты сегодня ночевал в дровяном сарае и больше не создавал проблем!

Шэнь Мянью сказал:

— Отведи меня к матери, я сам всё объясню.

— Господин, ты должен понять! Вторая наложница наказывает тебя не потому, что хочет, а

потому, что вынуждена. Теперь все в усадьбе знают, что ты с мужчиной... так общался. Семья Шэнь с её вековой репутацией, все твои прошлые проделки вместе не сравнятся с этим. Если генерал узнает, он тебя ногу сломает! Ты смирись, потерпи, признай вину, и тогда его гнев утихнет, и всё забудется.

Шэнь Мянью помолчал. Его голова всегда была светлой, но он всё же проиграл перед устаревшими взглядами феодального общества.

— Хорошо, хорошо, — он кивнул и сказал Сяо Цуй'эр:

— Я могу принять наказание, но передай матери: моё здоровье всегда было слабым, я плохо переношу холод. Если я заболею в дровяном сарае, это моя вина, но пусть она не жалеет меня, иначе это будет моя неблагодарность.

С этими словами он направился к дровяному сараю. Сяо Цуй'эр в отчаянии топала ногами. Это была не благодарность, а угроза! Он заставлял вторую наложницу пересмотреть его дело!

Вторая наложница на этот раз была тверда в своём решении наказать его. Приказала запереть в дровяном сарае — так и сделали. В помещении были сложены дрова, только соломенная подстилка, под которой лежал тонкий слой ваты, вероятно, подсунутый служанками, которые беспокоились о его нежном здоровье.

Его тело действительно не привыкло к трудностям, но Шэнь Мянью не был избалованным. Он беззаботно улёгся на подстилку, указав на продуваемое окно:

— Закройте эту щель, дует.

Слуги поспешно согласились, но беспокоились, что он может что-то затеять. Судя по прошлому поведению второго господина, он бы не просто устроил скандал, но и разобрал бы эту комнату по частям. Почему теперь он так покорно принимает наказание?

Шэнь Мянью указал на середину комнаты:

— Здесь разожгите костёр, но небольшой. В комнате полно дров, не дай бог всё сгорит.

Затем он сказал служанкам:

— Принесите мой чайный набор из комнаты и несколько унций чая, который я обычно пью. В такую холодную погоду мне нужно согреться.

Служанки переглянулись и ответили:

— Слушаемся, второй господин. Ещё что-нибудь?

Шэнь Мянью прищурился и улыбнулся:

— Ещё нарежьте мне фунт говядины, жареную курицу и несколько бататов. Я сам их поджарю.